За белостенным зданием UCAT находилась обширная зеленая площадь, обильно освещаемая солнцем.

То была ферма. Там росли разнообразие растения, включая цветы и овощи.

С одной стороны под открытым небом высадили овощи, а с другой — цветы в теплице. Однако для сотрудников это было просто хобби. Им приходилось поддерживать растения самостоятельно, и поэтому почти всегда здесь находились люди.

Перед цветочной клумбой к западу от леса сидел один человек в лабораторном халате.

Это Цукуёми.

На клумбе перед ней росли парочку подающих надежды хризантем, с наливающимися соком листьями и стебельками.

Глядя на цветы, она удовлетворенно кивнула.

— Дорогой, сегодня это наконец-то произойдет. Мы проводим Путь Левиафана с Лоу-Гиром, — произнесла она тихонько, вытащив из кармана старую фотографию.

На фото отображались мужчина и она в молодости.

На заднем фоне стояло здание ИАИ.

— Только одна я ничего и не знала, до тех пор, пока ты не умер в том землетрясении.

Её голос полнился сожалением, пока она переводила взгляд от фотографии к цветам.

Вдруг женщина осознала, что к ней кто-то приближается.

Женщина, идущая в её сторону, нарядилась в черный костюм, и Цукуёми её узнала.

— Диана Зонбург.

Услышав это имя, Диана обернулась и остановилась рядом с Цукуёми.

— Кажется, меня здесь хорошо знают. Вы директор отдела разработок, верно?

— Да. Любой на уровне директора будет знать, кто ты такая, — Цукуёми встала и отступила назад. — Ты ведьма, принудительно реформировавшая немецкий UCAT в 96-м. Вскоре после этого была создана Sf, и в Германии было разработано несколько типов чародейского оружия. Я слышала, это все твоя работа.

— Ох, батюшки. Я так понимаю, ты ничего не знаешь обо мне до этого.

— До этого? Ты имеешь в виду во время пустого периода UCAT?

— Это секрет, — Диана немного высунула язык. — Я по-прежнему не имею намерения рассказывать кому-либо, кто уже не знает, что тогда произошло. …И мне лишь хотелось сегодня сделать ностальгирующую прогулку. Давайте помолчим.

Ведьма с улыбкой глянула вниз на цветы.

Увидев, что Цукуёми тоже на них смотрит, она произнесла.

— Это Вы высадили эти хризантемы, Директор Цукуёми?

— Мой муж оставил их после себя. …Вы когда-то здесь что-то посадили?

— Да. Я высадила одну из этих ребенкоподобных штук, которые орут, когда ты их вытаскиваешь. …Почему Вы попятились?

— В отделе разработок не мало кто заинтересован в оккультизме.

— Ясно.

Диана кивнула и выдала горькую улыбку.

Она присела, чтобы рассмотреть хризантемы поближе. И через пару секунд заговорила, словно спрашивая подтверждение:

— Много чего сегодня произойдет, не так ли? Чтобы проинспектировать, я отправлюсь с вами. — Она перевела дух и протянула руки к цветам. — Ваш Гир выбирает путь, с которого не сможет повернуть назад. Почему?

Диана, очевидно, пыталась этим вопросом испытать Цукуёми, и поэтому та ответила не сразу.

Женщина повернулась к зданию UCAT за фермой и расслабила плечи.

— Похоже, все это время наши люди создавали мечи для UCAT. …Как потомок бывшей императорской семьи, у меня есть некоторые мысли по поводу разрушения 2-го Гира.

— Как член императорской семьи, ты желаешь силы вместо мира? Вот почему ты на это согласилась?

— Да. Мне кажется, так будет лучше всего, — Цукуёми горько улыбнулась в землю. — И я должна поддержать детей, волнующихся о том же, разве нет?

Диана ответила ей шутливым голосом и слабым смехом.

Её смех прозвучал для Цукуёми приятно. То был порядочный и аутентичный смех.

— В таком случае, смотри внимательно, — сказала Диана. — Присматривай за детьми с фамилиями Саяма и Синдзё.

— Тебе известно что-то об этих двоих?

— Немного, — ответила Диана. Теплый горный ветер всколыхнул её волосы. — Некто с фамилией Саяма однажды появился передо мной. И…

Обдуваемая ветром, она замолчала, подбирая слова.

— Во время Великого Кансайского Землетрясения, те, кто желали быть с ним, выбрали путь, не дарующий вознаграждения.

— Э? Во время того землетрясения?

Услышав этот вопрос, Диана встала и её глаза озарила улыбка.

— Вот и всё, что я могу сказать.

— Т-тогда, скажи мне хотя бы это, — Цукуёми не могла сдержать свое нетерпение. — Люди, которые, вроде тебя, были с Саямой… Они были счастливы? Пускай и не получили вознаграждения?

Диана ответила собственным вопросом.

— Разве не это вы собираетесь выяснить? — Она вздохнула. — Так же как и 1-й Гир, вы выберете путь, с которого не сможете свернуть, и затем выясните всё самостоятельно. Выясните, каким именно злодеем оказался их ребенок, именованный Саяма. …Надеюсь, ответ,

который ты отыщешь, такой же, как и у человека, который тебе дорог.

Диана слегка улыбнулась и повернулась спиной.

Цукуёми вздохнула, глядя, как женщина молча отдаляется к ферме.

— Мой ответ…

Она глянула вниз и увидела, как одна лунная белая хризантема расцвела.

●

Конструкторское бюро UCAT почти полностью опустело.

Часы на стене показывали начало первого. Все закончили производство оружия для тренировочного боя. Пришло время последней проверки своего снаряжения и отдыха перед боем.

Но в одном из секторов всё еще кое-кто оставался.

Это Касима.

Как обычно, он носил лабораторный халат поверх рабочей одежды, но не держал ни зубило, ни лэптоп.

Мужчина держал связку японской бумаги. Это содержимое толстого конверта, который передали ему родители.

Касима перелистал более половины стопки, и уже почти закончил. По завершении ремонта Фуцуно, он начал просматривать это, отказавшись от отдыха.

Касима совсем не спал, но был на удивление сосредоточен.

Он мог спокойно прочесть список имен на японской бумаге перед глазами.

— Очень аккуратный почерк.

…Это написано Ооширо Хиромасой, который однажды противостоял моему деду?

В голове у Касимы всплыли две загадки.

— Почему мой дед на своем смертном одре просил прощения?

И…

— Что находилось в панели на мостике Сусаоо, о которой он упоминал?

Рассчитывая на подсказку, Касима потратил свободное время перед тренировочным боем, чтобы просмотреть эти бумаги.

Письмо определенно было тем, что Ооширо Хиромаса написал шестьдесят лет назад.

Но почерк местами казался кривоватым.

Написание было уверенным и устойчивым, но конструкция символов выглядела как-то неровно.

— Это же…

Касима наклонил голову, придя к теории.

Он снял очки и глянул на бумагу. В его размытом зрении, почерк выглядел нормально.

…Ооширо Хиромаса терял зрение?

Мужчина не знал почему. Возможно, из-за переутомления или недоедания…

— Или какой-то яркий свет выжег ему глаза?

Знал ли об этом дед Касимы?

Мужчина протяжно вздохнул и сел на стул.

Затем перевернул еще одну страницу.

В его руках оставался всего десяток листов.

Касима глянул на одно из двух предложенных имен и повторил процесс около десяти раз.

— …

Он быстро приближался к последней странице.

Похоже, они пролетели довольно быстро. Он не обнаружил ничего полезного.

Неохотно соглашаясь, Касима кивнул.

Но всё равно решился и перевернул следующую страницу. Скоро всё закончится.

Его действия явили предпоследний лист.

Он увидел имя, написанное на белой бумаге, с видимыми растительными волокнами.

Ученый узнал это имя.

— Касима?

Имя было написано катаканой. От одного лишь взгляда, его пульс ускорился.

…Мой дедушка…

Он же не жаловал Ооширо Хиромасу, ненавидел полное приспособление 2-го Гира к Лоу-Гиру и отказывался записывать имя «Касима» при помощи кандзи? Тогда, почему такое написание имени оставлено здесь Ооширо Хиромасой?

— Быть может, Ооширо Хиромаса передал ему это написание катаканой?

Касима не знал. И оставшись без ответа, он пролистал страницу, чтобы глянуть на последнюю. Мужчина надеялся найти там ответ.

Но он его не обнаружил.

На последней странице было написано какое-то имя.

Но почерк принадлежал не Ооширо.

То был неряшливый, дрожащий почерк кого-то, не знакомого с иероглифами. И судя по огромному X поверх него, это была неудачная попытка.

Касима узнал то неряшливое, дрожащее письмо.

— Это почерк моего дедушки.

Он взглянул на имя, за отрицающей Х.

Касима взглянул на имя, написанное его дедом.

●

По округе разливался свет полуденного солнца, но одного места он не достигал: Библиотеки Кинугасы.

Она занимала пространство размером в восемь классов и располагалась на первом этаже общеобразовательного корпуса 2-го года обучения Академии Такаакита.

У стен и окон нагромоздились книжные шкафы. В полдень она послужит местом передышки для Фестиваля Всеобщего Отдыха.

Но прямо сейчас в библиотеке находилось всего несколько человек.

В центре, на нижнем уровне ступенчатого пола, за столом сидели Саяма, Изумо и Казами.

Перед Саямой стояли стопки, содержащие сотни листов распечаток.

Это было содержимое флоппи диска, который Цукуёми передала ему позавчера. Он уже их просмотрел, но…

— Я не могу. Даже если бесчисленные имена рассортировать по профессиям, их слишком много.

Казами за бумажными стопками глядела на него с унылым выражением лица.

— Но у тебя вроде бы хорошее настроение. Что-то случилось? — озадачено спросила она.

— Да. Синдзё Сецу-кун возвращается этим вечером. Сказать по правде, мне немного отлегло.

— Понятно.

Пока Казами кивала, Изумо держал книжку с картинками в форме кролика на расстоянии подальше от глаз.

— Видеть, как он спит с открытыми глазами странно, но эта шутка меня уже доконала.

— По крайней мере, он постепенно добавляет разновидностей.

— Так вот, — Казами постучала по документам перед собой. — Отец Ооширо-сана осознал истинное имя Яматы, просматривая это, верно?

— Да, но здесь имена бесчисленных богов, создавших 2-й Гир. …Это не Кусанаги или Муракумо, как мы ожидали.

— Что если имя Яматы скорее одно из этих имен, а не Кусанаги или Муракумо?

— Тогда Ямата сжарит меня живьем.

— …

Казами замолчала, но раздраженно пожала плечами.

Затем, кто-то подошел и встал с ней рядом.

Это был Зигфрид. Он носил свой привычный черный жилет и рубашку, и поставил на стол три бумажных стаканчика кофе.

— Судя по всему, вы испытываете трудности, — сказал он своим низким голосом. Затем кивнул. — Но я не могу вам помочь.

— Вы пришли сюда просто для того, чтобы над нами поиздеваться?

— Я всего лишь не хотел вас обнадеживать, поэтому мне показалось, что будет лучше вам об этом напомнить.

— Спасибо за внимание и кофе.

Казами взяла стаканчик и повернулась к Изумо.

Затем протянула стаканчик к его уху, пока он спал в идеальной позе для чтения.

— Мне просто нужно наклонить край стаканчика и… полилось!

— Хьёёёёёёё!

Держась за ухо, Изумо вскочил на ноги.

— Д-дура! Т-ты что вообще чудишь?!

— Иначе бы ты не проснулся.

— З-знаешь, Чисато. Я собираюсь подарить тебе необычайно богатую и счастливую жизнь в будущем, так что тебе следует быть поосторожнее.

— Прости, Изумо. Я только что проверила будущее с помощью машины времени, и ты живешь под мостом.

— Т-тебе нужно завязывать с этими бредовыми идеями.

— Скажи это в следующий раз зеркалу, Каку. — Казами вздохнула и задала Изумо вопрос. — Что ты думаешь?

— Думаю о чем?.. Постой, Чисато. Если будешь так клацать суставами, нарушишь форму своих пальцев, так что тебе лучше прекратить. А если конкретнее, то я против насилия.

— Тч… Ладно уж. Как ты думаешь, какое у Яматы имя?

— Разве это не Кусанаги или Муракумо?

— И что ты думаешь об этой бумаге перед тобой?

Изумо окинул взглядом стопки на столе.

— Они Кусанаги или Муракумо, да?

— Хм? Что ты имеешь в виду? — спросила Казами.

Изумо глянул на потолок и задумался над тем, что только что сказал.

— Э? …Я просто ляпнул, не подумавши, но, наверное, в этом нет никакого смысла.

— Э-эм, Каку? Ты бы не мог в следующий раз думать, перед тем, как говоришь? — Казами выглядела растерянной, и затем удивленно наклонила голову. — С этим кофе же все нормально, да?

Но Саяма, глядя на них обоих, кое-что осознал.

…Должно быть, это Изумо и пытался сказать.

— То есть, если ты соберешь все эти бесчисленные имена вместе, они означают либо Кусанаги, либо Муракумо?

— Да, это оно! Это как раз оно, Саяма! Какой ты сообразительный. Я на меньшее и не рассчитывал от вице-президента, работающего под моим началом.

— Казами. После этого, казначей должен поколотить придурка, руководящего мной.

— Меня вполне устраивает.

Но Зигфрид рядом с ней покачал головой.

— Послушай, — наставительно сказал он. — Днем прибудут люди, желающие отдыха, и вместе с ними обычные посетители библиотеки. Когда они придут, библиотека не может быть покрыта обломками и телесными жидкостями. Оставьте насилие за дверью.

Инструкции Зигфрида вызвали на лице Изумо недовольное выражение.

Но Саяма его проигнорировал, скрестил руки на груди и проговорил:

— Возвращаясь к тому, что сказал Изумо: его рассуждения, возможно, и сомнительны, но принятое им решение весьма вероятно. Бесчисленные имена могут подпадать под контроль силы имени Кусанаги или Муракумо.

— Э? Но эта сила — ветер, правильно? Они реально под контролем ветра? — спросила Казами.

— Ветер постоянно меняется, Казами, — сказал он с улыбкой.

— Ты хочешь сказать, он в постоянном состоянии потока? — спросил Зигфрид.

Саяма кивнул и обратился к Казами и Изумо, которые, похоже, не понимали.

— Нечто, лишенное формы. Нечто изменчивое. То, что приходит и уходит. Ветер — символ всех этих вещей. Разве это не идеальная сила для того, что собирает вместе все многообразие богов, включая погоду и их способности?

И…

— К тому же, ветер обладает силой усиливать пламя и призывать дождь, дабы его загасить. В каком-то смысле, Кусанаги и Муракумо оба подходящие термины, для контроля над Яматой.

Глядя на груды распечаток, Саяма задумался.

…Задавал ли Ооширо Хиромаса определенный вопрос, когда увидел все эти имена?

Чем был 2-й Гир, если он управлял всеми этими вещами?

Эта мысль вызвала у Саямы облегчение.

Они уже подобное предугадали, но теперь, он получил поддержку их размышлений.

— Но настоящий вопрос в том, какое имя является истиной 2-го Гира. Несчетное количество богов 2-го Гира управлялись Кусанаги, который странствует у земли, или Муракумо, который кочует в небесах?

— Другими словами — они боги, или же люди? — спросила Казами ни у кого конкретного.

В этот же миг, кто-то открыл библиотечную дверь и вошел.

Человеком, выискивающим кого-то, оказалась Ооки.

— В чем дело, Ооки-сенсей? Вы совершили очередную нерасторопную ошибку?

— Н-нет, не совершила.

Ооки прошлась по длинным ступеням и протянула конверт.

— Мне это только что передал глава общежития. Это личное письмо для тебя, Саяма-кун.

— Для меня?

Озадаченный, Саяма взял конверт и нахмурился, увидев имя отправителя.

Там говорилось «Синдзё Садаме».

●

На первом этаже большого холла штаб-квартиры UCAT стояло два человека.

Одной была Синдзё, одетая в оранжевую куртку, белую блузку и юбку. Вторым оказался Ооширо, накинувший лабораторный халат.

Старик почесал голову под картиной Девы Марии.

— Пока 2-й Гир готовится к тренировочному бою, разве тебе следует находиться тут?

— Нет, не следует… Но я собираюсь положить конец чему-то важному.

— Положить конец чему-то важному?

Синдзё кивнула, опустила голову и тщательно подобрала слова:

— Сецу позвал Саяму-куна и сказал ему ждать в школе в пять часов вечера, — объяснила она. — Но Садаме послала ему письмо, говоря прийти на крышу UCAT к четырем, поскольку она хочет сказать ему нечто важное.

Ооширо ахнул.

Синдзё поняла почему.

— Да. На путь между школой и UCAT уходит полтора часа. …Саяме-куну придется выбрать между Сецу и Садаме.

— Тебя это устраивает?

— Да, — ответила Синдзё после небольшой паузы.

Но она улыбалась, слегка подергивая край юбки.

— Я знаю, кого он выберет.

— …

— Поэтому, если он свяжется с Вами, не давайте ему говорить со мной. Я хочу раскрыть свою ложь, когда он выберет.

Синдзё глянула дальше по коридору.

Сбоку располагалась лестница, выложенная красными плитами. Если пройти по ней выше пятого этажа, там будет выход на крышу.

Глядя на лестницу, исчезавшую вверху, девушка пробормотала себе под нос:

— Таков мой ответ, да? — она вздохнула. — Итару-сан меня приютил, но, интересно, что он подумает о моем отречении от Сецу.

— Не знаю, — ответил Ооширо, вздыхая.

Синдзё повернулась и глянула на него с опущенными ресницами.

— Не смотрите на меня так, Ооширо-сан.

— Но…

Она кивнула в сторону его разочарованного взгляда, и, чтобы его не волновать, бодро произнесла:

— Я на пути, чтобы дать свой ответ.

●

Было десять минут третьего.

Прочитав в комнате общежития письмо Синдзё Садаме, Саяме следовало принять решение.

Ему нужно выбрать между Садаме и Сецу.

— Она хочет сообщить мне нечто важное, хм?

Повторив написанное в письме Садаме, Саяма вздохнул.

Он повернул взгляд к пустой кровати.

— Не слишком ли это неожиданно, Синдзё… Садаме-кун? Мне хотелось бы поговорить и с Сецу-куном тоже.

Он потянулся к столу рядом с кроватью и кое-что подобрал.

Нечто, оставленное для него Синдзё Сецу.

— Время как раз подходящее. Я приму решение, как только я столкнусь и с тобой тоже.

Глядя на то, что он держал, Саяма выровнял дыхание.

Он приготовился молча кое-что узреть. И медленно произнес вопрос:

— Синдзё-кун, ты помнишь, что значит рассказывать историю?

http://tl.rulate.ru/book/95927/3275249